

Графиня С.В.Панина- последняя владелица Марфина

ГЕОРГИЙ И. ВАСИЛЬЧКОВ

Последняя владелица подмосковного поместья Марфино, графиня Софья Владимировна Панина, приходилась двоюродной сестрой моей бабушке, матери моей Мамы, княгине Марии Владимировне Вяземской (ее отец был единственным братом матери бабушки). И так как Тетя Софья (как мы все ее звали) была единственным ребенком (ее младшая сестра Наташа скончалась двухлетним младенцем) и сама она не имела детей, то многолюдный «клан» Вяземских стал ей как бы второй семьей. Я лично познакомился с ней — почти восьмидесятилетней старушкой, удивительно доброй; но всю свою молодость я слышал об этой удивительной женщине, одной из самых замечательных (хотя еще мало известных) женщин предреволюционной России.

В семье Паниных сохранилось предание, что род их вышел в «Московию» в XV веке из Италии, из города Лукка, близ Флоренции. Первые русские источники упоминают о Паниных в XVI веке, когда в 1530 году в бою во время Казанского похода погиб Василий Панин. Уже с царствования Михаила Федоровича Панины занимают высокие должности — воевод, думных дворян, стольников, а с царствования Петра Великого — губернаторов, сенаторов, генералов, министров и т.п.

В конце XVII века Василий Никитич Панин, вместе с кн.Ю.Барятинским, подавил восстание Стеньки Разина. Сто лет спустя его внуку, Петру Ивановичу, суждено было подавить восстание Пугачева.

В русской истории наибольшую известность приобрели — в XVIII веке граф Никита Иванович (1718—1783), вице-канцлер при Екатерине Великой, руководивший русской иностранной политикой на протяжении первой половины ее царствования и назначенный затем воспитателем будущего императора Павла; и его брат, граф Петр Иванович (1721—1789), талантливый генерал, но о котором Екатерина отзывалась не иначе как о «первом враге и персональном оскорбителе» и которого, несмотря на это, она, по настоянию Потемкина, назначила подавить восстание Пугачева. А в XIX веке были известны граф Никита Петрович (1771—1837) и его сын, граф Виктор Никитич (1801—1874), внучкой которого и была Тетя Софья.

Никита Петрович начал, еще совсем молодым, блестящую, казалось бы, карьеру дипломата, а затем вице-канцлера императора Павла, но вскоре вызвал неприязнь императора и про него Павел остроумно сказал: «Я знаю, что Панин не лишен дарований, но у него три существенных порока: он методичен, педагогичен и систематичен — как древний римлянин». И именно таким — холодно-красивым, гордым, недоступным, довольным собой, он, судя по сохранившимся у меня марфинским миниатюрам, и выглядит. В историю он вошел как один из зачинателей заговора, приведшего к умерщвлению Павла. И хотя он был уже не у дел и не был даже в Санкт-Петербурге в этот роковой вечер, унаследовавшие окровавленный престол отца Александр I и преемник его Николай I никогда его не простили и до конца жизни ему было запрещено появляться при дворе.

Известно, что когда Панин впервые заговорил с Александром о необходимости устранения от престола его все более непредсказуемого отца, тот дал свое согласие при условии, что Павел останется невредим. Возможно, нарушением этого обещания и объясняется пожизненная опала «неудобного» свидетеля. Но в марфинском архиве существовало, по словам моей Мамы, письмо Никиты Петровича вдовствующей императрице Марии Федоровне, которое, быть может, также объясняет эту опалу. В нем Панин выражает свое удивление и возмущение по поводу постигшей его судьбы, тем более, что, по его словам, и она знала о готовившемся заговоре. Правда, писал он, исход оказался другим, чем Мария Федоровна предполагала: ее не назначили регентшей! Характерно, что когда в конце XIX века часть Панинского архива была опубликована академиком А.Брюкнером, это письмо отсутствовало.

В наше время бесшабашного оклеветания такая «деликатность» считалась бы, очевидно, некоторым смехотворным «буржуазным предрассудком пузырей потопившего мира». Но в те времена понятие чести, почти не существующее ныне, обязывало... Тетя Софья частично подтвердила эту версию. Она мне объяснила эту опалу — из всех заговорщиков постигнувшую одного только Панина — следующим. Оба рода, Паниных и Орловых, находились, как часто бывало при дворах, в непримиримой вражде. Она закончилась все же романтической женитьбой Никиты Петровича на дочери младшего из братьев Орловых, красавице, рыжеволосой графине Софье Владимировне. После вступления на престол Николая I, бывший уже глубоким стариком, граф В.Орлов явился к молодому государю и, став перед ним на колени, попросил его снять опалу с зятя, добавив, что он не встанет с колен, пока государь просьбу не удовлетворит. Смущенный Николай ответил, что это единственная просьба, которой он не волен исполнить, так как он дал своей матери клятвенное обещание, что Никита Петрович никогда не будет прощен.

Но к этому добавилась еще одна типичная гнусная дворцовая интрига. Никита Петрович в молодости близко дружил с влиятельным гр.С.Р.Воронцовым. На чем-то они поссорились, и тогда Воронцов будто бы показал императору Александру письмо, в котором Панин неслестно отзывался о молодом государе. Существовало ли такое письмо или Воронцов просто оклеветал своего бывшего друга, неизвестно, но очень неуверенный в себе и легко обижающийся Александр Панину уже лично никогда не простил.

Марфино оставалось одним из любимых имений семьи моей матери, и хотя главным «очагом» Паниных считалось имение Дугино в Смоленской губернии, где хранились семейные архивы, сама Тетя Софья особенно любила именно Марфино, и когда семья Вяземских перекочевывала ежегодно из Санкт-Петербурга в свое поместье Лотарево, в Тамбовской губернии, они обязательно, перед отъездом дальше на юг, останавливались гостить несколько дней у любимой тетки.

Это было тогда типичное «дворянское гнездо», которое прабабушка Тети Софьи, графиня Софья

Графиня
С.В.Панина.
1904

Владимировна Орлова (та самая дочь младшего из знаменитых братьев Орловых Екатерининских времен), купила у Салтыковых для своего сына, Виктора Никитича Панина, и где, на месте подожженной и разграбленной французами в 1812 году «колонной» усадьбы, архитектор Михаил Быковский (ученик знаменитого Доменико Жилярди) построил в 1837–1839 годах, в модном тогда стиле «английского Тюдора», дом, от которого ныне остались, увы, обезображенные развалины.

По словам моей Мамы, он был обставлен очень уютно, с раскрашенными потолками в стиле англичанина Адама, со множеством старинных семейных портретов и миниатюр, частью рукою Ж.-Л.Вуаля, с изящным фарфором, прекрасной мебелью, одним словом со всем тем, что делало многие из наших дореволюционных усадеб очагами культуры и придавало им особую непринужденную прелесть. В библиотеке — все Панины были книголюбам — имелось интересное собрание автографов. Мамы особенно запомнилось собственноручное письмо Гёте какому-то молодому человеку, посланному ему свои стихи. После целой страницы ничего не значащих комплиментов Гёте полюбознательствовал узнать, почему, собственно говоря, его корреспондент выбрал себе карьеру именного поэта, ведь существует множество других призваний, приносящих гораздо больше дохода, и Гёте тут же их перечислил...

Обширный парк Марфина, со своими горками и озерами, был исключительно разнообразен для этой части Московской губернии, и, по преданию, Панины этим были обязаны турецким пленным, которых граф Алексей Орлов (дядя первой хозяйки) привез в Россию после своей победы при Чесме.

Когда же я сам посетил Марфино в середине 1980-х годов, то увидел типичный пример того, как относилось Советское государство к своим так называемым «памятникам архитектуры». Усадьба была уже почти руиной, с опустошенными интерьерами и зияющими пустотой оконными рамами; лестницы провалились; кафели прекрасных печей частями были разбиты или лежали на полу; сами полы, где виднелись еще остатки узорного паркета, были загажены или прожжены окурками; в кухне и уборные лучше было не входить... От великолепного парка осталась лишь частица; готический кирпичный мост над озером еще как-то «держался»; зато обе стоявшие за ним по склону церкви были на замке, и в запylенные окна видно было, что они служили складами... Что не помешало авторам изданного еще в 1965 году официального альбома-путеводителя нагло уверять своих читателей, что «народная власть усадебный ансамбль добросовестно бережет» и незадолго перед тем, даже, закончила его полную реставрацию.

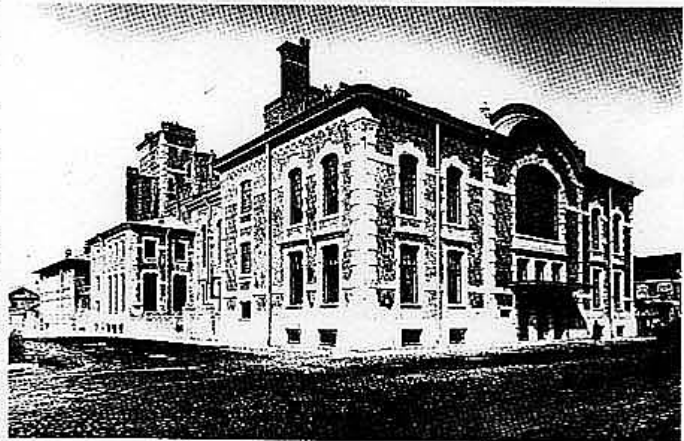
Многие годы — война давно уже окончилась — я пытался, через знакомых дипломатов, разузнать о судьбе Марфина. Ответ был всегда тот же: доступ закрыт и даже московские таксисты боятся туда заглянуть! Одно время ходил слух, что там какой-то особый дом отдыха. Затем появилась книга Солженицына «В круге первом» и воспоминания Дмитрия Панина и по их описанию «Мавринской» шарашки мне показалось уж очень многое напоминавшим наше Марфино — усадьба и церквушки на склоне... красный кирпичный мост над озером... павильон с колоннами в парке...

Я написал Александру Исасвичу, с которым ранее встречался, и он ответил мне любезным письмом, где объяснил, что шарашка, которую он описывает, была в другом Марфине, там, где теперь телецентр в Останкине. Так что судьба уберегла наше Марфино от участи концлагеря, хотя и привилегированного...

Моя Мамы хорошо помнила свою прабабушку, невестку Никиты Петровича, старую графиню Наталию Павловну Панину, урожденную графиню Тизенгаузен, в дом которой детей Вяземских немедленно переселяли, как только один из них хворал заразной болезнью. По этому случаю — но только по этому! — Мамы разрешалось надевать считавшиеся чересчур роскошными для ребенка подаренные прабабкой старинные драгоценности. С виду такая же холодная и строгая, как ее муж, в своих черных митенках, она держала

себя так, что ее боялись даже ее собственные дети; и ее дом запомнился Мамы таким же холодным, даже угрюмым, пахнувшим смесью пудры и пыльных ковров, где прислуга двигалась бесшумно и одноглазая доверенная горничная походила на настоящую ведьму. Но с малышками старая графиня смирчалась и, видимо, тешилась их шумными играми. Мамы всегда себя упрекала в том, что она, по молодости, мало ее расспрашивала... А ей было что рассказать! Внучка губернатора Санкт-Петербурга графа Палена (который возглавлял заговор против Павла), она родилась в 1810-м и скончалась в 1899 году, прожила пять царствований, знала хорошо Александра I, помнила, как радовались известиям о кончине в 1821 году Наполеона, и дружила с Пушкиным. Хотя, говорила она, он уже при жизни был прославленным поэтом, никто не был обременен от его едких и даже подчас злых выпадов. Она его видела в последний раз на каком-то балу незадолго перед роковой дуэлью. Они встретились на лестнице, кратко поговорили, и она заметила, что поэт выглядел необычно рассерженным.

Ее муж, граф Виктор Никитич, прославился сугубым реакционером, который, будучи в должности министра юстиции при Александре II, а затем председателя Особого комитета по крестьянским делам, всячески тормозил упразднение крепостного права. Его сын, отец Тети Софьи, Владимир, был, наоборот, либералом. Как и все Панины, весьма начитанный человек, он, женившись на «ветреной» красавице Насте Мальцовой, выросшей при дворе с детьми Александра II (ее мать была ближайшей подружкой императрицы Марии Александровны), взялся «расширять ее умственные горизонты» путем общения с тогдашней культурной интеллигенцией — врачами, университетскими профессорами, земскими деятелями и т.п., большинство из которых придерживалось так называемых «прогрессивных взглядов». Он в этом так преуспел, что после его преждевременной кончины горячо его любившая тетя Настя целиком погрузилась в эту среду. И когда, после продолжительного сожительства с ним, она вышла замуж вторым браком за одного, к тому же из наиболее экстремистских, лидеров либеральной оппозиции, И.Петрункевича, никогда не любившая ее свекровь — старая графиня, боясь тлетворного влияния на впечатлительную внучку Софью той среды, в которой врасталась ее мать, боясь, к тому же, что деньги, выдаваемые тете Насте из громадного семейного наследства на содержание дочери, пойдут, хоть частично, на революционную пропаганду (что, кстати, и случилось: Петрункевич стал со временем

одним из главных финансовых спонсоров будущей Кадетской партии), прибегла к неслыханной даже в то время мере: по личному приказу императора Александра III, Тетя Софья была отнята у матери и отдана на попечение бабушке, которая записала ее в Екатеринбургский институт. И тут, по словам Мамы, у Тети Софьи проявились уже те качества, которым суждено было сделать ее одной из самых замечательных русских женщин своего времени: будучи любящей дочерью и оставаясь полностью лояльной к своей подчас шалой, но обожающей ее матери, она никогда не упрекала бабушку, понимая, что та желала лишь ее счастья. Старая графиня, в свою очередь, так внучку уважала и ценила, что она была, быть может, единственным ее любимым человеком. И когда позже Тетя Софья раз-

Лизовский
Народный дом
графини
С.В.Паниной.
Фотография.
1913

Марфино.
Вид с остро-
ва на усадь-
бу и мост
(архитектор
М.Д.Быков-
ский). Фото
А.Викторова

вела с мужем и, будучи бездетной, отдалась исцелю благотворительности и общественной жизни, она вернулась к бабушке и провела с ней последние ее годы.

Решающим, жизнеопределяющим моментом в жизни Тети Софьи была, по ее собственным словам, встреча в 1890 году с другой, теперь совсем позабытой замечательной русской женщиной, Александрой Васильевной Помехиной, учительницей скромной районной школы в Санкт-Петербурге. Тете Софье было всего 19 лет, той — 39. Маленькая худенькая женщина с гладко зачесанными назад и закрученными в узелок русыми волосами, с большими серыми, «светящимися

Это предприятие требовало все большие средств — а дала их в основном Тетя Софья, — все большего размера помещений и все более и более специализированного персонала. И он нашлся. К двум женщинам присоединились сперва одиночки, за ними десятки и под конец сотни добровольцев, мужчин и женщин, заразившихся их энтузиазмом и примером.

4 апреля 1903 года, на Пасху, состоялось торжественное открытие на углу Тамбовской и Прилужской улиц, за Лиговским проспектом, ставшего известным на всю Россию и за ее пределами «Лиговского Народного дома графини С.В.Паниной».

Здесь можно было «развернуться»! В зрительном зале — на 1.000 человек! — проводились, помимо

Марфино.
Лестница
с грифонами,
ведущая от
дома к пруду. Фото
А.Викторова

изнутри» лучистыми глазами, она вошла в гостиную Тети Софьи твердо, спокойно, с просьбой помочь устроить бесплатную столовую для нуждающихся учеников начальных городских училищ Александровского района, где она преподавала и который лежал за Обводным каналом вдоль незасыпанной еще злойной речки Лиговки.

По словам тетки, в то время, когда родители уходили на работу, детям безотрадных петербургских бедных кварталов было, после скудного школьного обеда, буквально некуда денаться. Болтаясь по улицам, многие примыкали к бандам хулиганов и ворюшек, и с этого начиналось их падение в мир уже серьезной преступности. А в воскресные дни их родителям было также некуда деваться. «Во всей этой забитой камнем и людьми безводной и безнадежной части города, — пишет она, — ни одного сада, сквера, ни одного деревца. Единственным местом для детских прогулок было Волково кладбище, у грани которого замирала жизнь города. А по праздникам берега Обводного канала являли собой кладбище другого типа — они были усеяны телами мертвенки пьяных обывателей». Все это две молодые женщины, начавшие ни с чем, помимо собственного энтузиазма, чувства долга перед более несчастными и материальной помощи самой Тетей Софьей, взялись преобразовать.

Начали они с организации столовой — на две смены по 25 детей, при которой вскоре устроили внеклассные занятия, чтения с «туманными» картинками, библиотеку с выдачей книг на дом и вечерние классы для взрослых. Со временем появились детский сад для малышей, ремесленные и рукодельные классы для отроков, общеобразовательные для их родителей, залы с газетами, журналами, шахматами и шашками (по там не было ни карт, ни подки!), куда приходили по свободным дням целыми семьями ремесленники и рабочие этого района Санкт-Петербурга.

прежних культурно-просветительных программ, научно-популярные лекции типа Народных университетов; давались концерты, где выступали известные артисты; народные балы; театральные представления (причем руководимая талантливым П.Гайдебуровым труппа актеров-любителей стала со временем известной на всю Россию); были созданы первый в стране «Подвижной музей учебных пособий» и обслуживающие его мастерские, готовившие самый разнообразный педагогический материал — от учебных пособий до собраний образцов флоры, фауны, металлов и т.п. — сперва для собственных нужд, но со временем и для сторонних заказчиков. Здесь же была организована первая в стране общественная обсерватория, где преподавали ученые-астрономы. И что ни предпринимала Тетя Софья, все должно было быть на возможно более высоком качественном уровне. В убогую, серую жизнь района Обводного канала, наконец, вошла радость и созидательный интерес к жизни.

Вслед за Лиговским Народным домом, по почину тетки и при ее ближайшем духовном участии, возникли «Народные дома» и в других местах — в городе Валуйки Воронежской губернии, где она устроила учебную ботаническую станцию; в местечке Марьино Московской губернии и в Крыму. Помимо этого она оказывала щедрую поддержку многим высшим и специальным учебным заведениям, особенно женским, учредила множество стипендий, и т.п.

Сохранилось современное описание Тети Софьи человеком, хорошо ее знавшим. Ей было тогда около сорока шести лет. «Это была высокая, статная женщина, отлично сохранившаяся, довольно массивная, с открытым, благообразным продолговатым лицом, с ясными и живыми глазами, с сильными, часто порывистыми движениями. Она безупречно проста в манерах и обращении с людьми, подчас детски непосредствен-

на, экспансивна. Внезапно она вспылит, нетерпеливо отмахиваясь рукой от чего-то, что ей не нравится, в голосе слышатся капризные нотки. Председательствуя в собраниях, она иногда срысывается, проявляет нетерпение и настойчивость. Когда ей смелно, она откидывает голову назад и хохочет громко, с увлечением. Но, невзирая на всю эту экспансивность, высокая личная

и общественная культура сквозит через все ее проявления. Тепло-та сердца, внимание к окружающим, широта порыва навстречу ко всему истинно прекрасному — придают исключительную ценность ее высокогуманной личности...

Когда я впервые посетил Ленинград (как город тогда еще

именовался), я стал сразу искать Народный дом Тети Софьи, благо, как мне говорили, он еще стоит, но под другим названием. Как-то я зашел в ее особняк на Фонтанке, где мы жили перед революцией. В нем теперь помещался ленинградский ДОСААФ. Принимавший там уже не раз мою семью милейший адмирал попросил меня зайти к ним в секретариат, так как со мной желал познакомиться один из почтеннейших ветеранов. Войдя, я увидел сидящего в углу в кресле, опирающегося на палку тучного пожилого господина в темных очках. Меня к нему подвели и представили, и я сел рядом. Посмотрев на меня, внимательно, он спросил: «Вы, я слышал, племянник графини Паниной?» — «Да!» — «А что стало, скажите, со всеми Вяземскими, которые здесь жили?» И он начал перечислять всех не только по именам, но и по уменьшительным прозвищам. Я удивился: «Откуда вы их всех знаете?» Он слегка замаялся: «Я, видите ли, много читаю на исторические темы...» Я еще больше удивился, так как историческими фигурами никто из этого поколения семьи не был. Он переменял тему. «А графиня Панина! Какая замечательная женщина! Вы ее «Народный дом» конечно знаете?» — «Я как раз его ищу, но под старым именем его никто не знает...» — «Теперь это клуб железнодорожников. Я вам сейчас объясню...» Попросив бумагу, он мне указал не только точный адрес «Народного дома» и как до него добраться, но и прибавил адреса всех других панинских домов в городе, каких оказалось немало, и о которых я даже не знал. Я до сих пор ломаю голову, кем же мог быть этот все о нас знающий незнакомец, к которому относились со столь явным уважением, и прихожу все к тому же выводу: это — бывший чекист-сыщик из комсомольцев «лейнского призыва», быть может, даже из бывших «питомцев» Тети Софьи, которому тогда было поручено «опекать» нашу семью.

Когда же я нашел Народный дом и вошел в здание «детища» Тети Софьи, я не поверил своим глазам. Даже теперь, 80 лет спустя, им смог бы гордиться любой западноевропейский город — по планировке, по качеству материалов, использованных для его постройки, по качеству самой постройки...

Грянула Первая мировая война. Немедленно, следуя царившему патристическому порыву, большая часть Народного дома была передана Городской управе под лазарет. В оставшейся части продолжалась традиционная работа, к которой прибавилась деятельность по распределению помощи неимущим семьям мобилизованных, тем, кто, по словам тети, в феврале 1917 года из «горьковского дна» выйдут на улицу.

И впервые Тетя Софья погрузилась в дотоле ей ненавистную политику. Записавшись в партию «Народной свободы» (так называли себя кадеты), патриархом которой был ее отчим И.Петрунkevич, она

была избрана в гласные Петроградской думы, а затем в мас назначена Временным правительством первой в истории России женщиной-министром — товарищем министра государственного призрения, а в августе товарищем министра народного просвещения. На этом посту и застал ее октябрьский большевистский переворот.

Когда в США, 30 лет спустя, я спросил ее, почему она решила стать «политиком», она сказала с явной горечью: «Понимаешь, старые партии все разбежались. Одни кадеты открыто боролись с наступавшим большевизмом. Вся моя дальнейшая судьба определена этим моментом!»

В день переворота ответственные чиновники ее министерства были арестованы или находились вдали от Петрограда. В первое же утро после переворота Тетя Софья, с согласия старших сотрудников, велела изъять все имеющиеся в кассе наличные суммы и, в отсутствие какой-либо законной власти, внести их в банк на имя Учредительного Собрания, которое тогда как раз избирали. Несколькими часами позднее ее министерство было захвачено большевиками. Вскоре она была арестована и увезена в Смольный, где при ее отказе вернуть изъятые деньги, ей объявили, что она будет предана суду «за расхищение и растрату народного достояния».

Уже в тюрьме ее немедленно окружили неожиданным вниманием — старый письмоводитель, ее принимавший, надзирательница («разве мы не слышали про Народный дом?»), уборщицы из воршичек, оказавшиеся ее бывшими «питомцами»... И когда 10 ноября она предстала перед только что созданным «Военно-Революционным Трибуналом», состоявшим из шести большевиков и одного беспартийного, под мнимым председательством некоего рабочего Жукова, но коим явно руководил присутствующий тут же народный комиссар юстиции Стучка, то, что должно было служить «примером революционного правосудия» и устрашить «буржуазию», обратилось в триумф обвиняемой. За неимением присяжных прокуроров, равно как и защитников (ни один не признавал новую власть) Жуков пригласил обвинителей-добровольцев из зрителей. Их не нашлось. Зато, помимо выбранного Тетей Софьей в защитники преподавателя Гуревича, объявился доброволец-защитник. «Ваша фамилия?» — спросил судья. — «Иванов» — «Профессия?» — «Рабочий!»

Его выступление, рассказывала тетя, в зале, наполненном не только знакомыми, но и множеством так называемых «простолудинов», произвело эффект разорвавшейся бомбы. Она сама его никогда не забудет. «Не чуждаясь народного юта и дыма, — сказал он, — она учила отцов, воспитывала их ребят. Они видели от нее не только помощь, но и ласку. Она зажигала в рабочих массах святой огонь знания, который усердно гасило самодержавие. Несла в народ сознательность, грамотность и трезвость. Несла культуру в самые низы. ...Я сам был неграмотным, темным человеком. У нее в Народном доме, у нее в школе я обучился грамоте. На ее лекциях я увидел свет... Не позорьте себя... Такая женщина не может быть врагом народа. Смотрите, чтобы не сказали про вас, что революционный трибунал оказался собранием разнузданной черни, в котором расправились с человеком, оказавшимся лучшим другом народа...» И, подойдя к скамье подсудимой, он поклонился и сказал громко: «Благодарю Вас!»

Судьи засуетились. Наскоро объявился «свой» рабочий-большевик Наумов — для исправления положения. Его выступление тоже любопытно (оно было процитировано в «Известиях», дававших широкую огла-

Ж.-Л. Вуаль.
Графиня
С.В. Панина
(урожденная
графиня
Орлова).
Миниатюра
из собрания
Г.И.Василь-
чикова

Ж.-Л. Вуаль.
Граф
Н.П. Панин.
Миниатюра
из собрания
Г.И.Василь-
чикова

Ж.-Л. Вуаль.
Граф
В.Н. Панин.
Миниатюра
из собрания
Г.И.Василь-
чикова

ску «делу гражданки Паниной»). «Я готов согласиться», — сказал он, — что в прошлом гражданка Панина приносила пользу народу. Я верю, что среди беспробудного мрака она по благородству давала радость народу. Но... — и тут разительно проявилась этическая бездна, разделявшая двух представителей той же рабочей среды! — но этим-то и отличается их благородство, чтобы давать или бросать народу куски, когда

он поработен, и мешать ему в его борьбе, когда он хочет быть свободным... Если уж говорить о благородстве, то это благородство в прошлом и преступление в настоящем». Выступление Наумова вызвало большую бурю, но теперь уже негодования; его постоянно прерывали криками «Врешь!», «Неправда!». После прерыва, где Стучка с кем-то советовался, суд вынес неожиданно мягкий приговор: ввиду «прежних заслуг» графине С.В.Паниной объявлялся лишь «общественный выговор», зато ей вменяли в обязанность вернуть «украденные деньги». А когда, после повторного отказа, ее возвращали в тюрьму, охранникам с трудом удалось пробить дорогу через толпу восторженных сочувствующих.

В тюрьме тетя оставалась три недели, во время которых, без ее ведома, общественной подпиской и пожертвованиями преподавательских организаций, набралась нужная сумма для ее «откупа». И тут она поразила даже своих тюремщиков. Пока тетя «сидела», она обещала на Рождество подбодрить своих «товарищей по несчастью». Несмотря на то, что ее освободили еще до Рождества, она, чтобы сдержать слово, уже будучи на свободе, вернулась в тюрьму и посвятила вечер теме «Рождества Христова», где, после прочтения евангельского текста, она при помощи материала, полученного наскоро из библиотеки Народного дома, показала виды Палестины, картины великих художников разных народов, изображавших Рождество Христово, и прочла одну из повестей Сельмы Лагерлёф из ее «Легенда о Христе» — во всем этом было типичное сочетание научного и развлекательного. Видимо растроганный, комиссар тюрьмы попросил ее повторить свою программу на следующий день в соседнем мужском корпусе. Она вторично вернулась в тюрьму. После чего, прощаясь с ней, комиссар снял фуражку и поцеловал ее руку.

При большевиках Народный дом (теперь уже «имени поэта Некрасова») продолжал еще несколько лет свое существование. Когда занятия там возобновились, огласили, как это ни странно, написанное еще в тюрьме истинное пророческое письмо-завещание Софьи Владимировны. В нем говорилось: «Как давно ждала я этого счастливого радостного дня!.. И как я верила, что этот день нашей радости будет одним из дней великой радости и великого счастья и нашей родины — мирной, деятельной и свободной. Главное — свободной! Ибо только там, где есть свобода, может расти и развиваться справедливый и великодушный человек, и воспитываться сознательный и мужественный гражданин... Ожидания и надежды мои не оправдались; война и ненависть с фронта перенесены в глубь страны, а свобода, озарившая нас на одно краткое мгновение, вновь покидает Россию, оставляя ее под властью новых деспотов и нового самовластия. Я же — не с вами, не среди вас, а в тюрьме...» И она закончила свое послание известными словами Петра Великого перед Полтавским сражением: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии». «Так, — писала она, — должен думать и чувствовать каждый из нас. И так думаю и я. Не то важно, что именно меня лишили свободы, а важно, что сама свобода гибнет на Руси! Пускай этого не будет».

Как Тетя Софья уехала из Петрограда в 1918 году, я точно не знаю. Говорили, что ее сопровождала до финляндской границы «почетная охрана» из рабочих — бывших воспитанников Народного дома. Сама она рассказала мне, что через некоторое время в Финляндии ее каким-то чудом нашла крестьянка из Марфина. В узелке она принесла несколько ценных вещей, спасенных из уже разоряемой усадьбы, — лакированный поднос с видом на дом федоскинских работ XIX века, несколько портретных миниатюр (все это она завещала моей матери; теперь они находятся у меня и воспроизведены в этом очерке). Из Финляндии тетя переехала через Англию на юг России, где сражались белые армии. Среди бумаг моей матери я нашел подписанное Тетей Софьей обращение к союзникам с призывом помочь антибольшевистскому движению. После поражения армий генералов Деникина и Врангеля, она уехала через Женеву в Чехословакию, куда давно уже ее приглашал верный друг демократической России, хорошо знавший ее президент Масарик, и где она долго работала в знаменитом Русском зарубежном архиве и в состоявшихся при нем разных культурно-просветительских организациях. Когда же Гитлер в марте 1940 года занял Прагу, Тетя Софья переехала в США, куда ее звала старый друг, основательница Толстовского фонда, графиня Александра Львовна Толстая, и где уже проживал ее сводный брат, профессор Йельского университета Александр Петрункевич.

Несмотря на то, что члены нашей семьи были отрезаны друг от друга войной и большими расстояниями, моей матери удалось восстановить с Софьей Владимировной контакт и с ее содействием организовать крупномасштабную помощь советским военнопленным, которые сотнями тысяч погибали от голода и лишений в немецких лагерях. Увы, до немецких лагерей эта помощь не была допущена — по личному приказу Гитлера. Зато, по распоряжению маршала Маннергейма (хорошо знавшего нашу семью еще в предреволюционные времена), везшие ее из Южной Америки суда были направлены в Швецию, откуда она была переброшена в финские лагеря для советских военнопленных.

Когда осенью 1946 года я переехал в США, то связался с Тетей Софьей. Она тогда проживала на ферме Толстовского фонда в штате Нью-Джерси, где помогала графине Александре Львовне готовить для печати ее мемуары. Изредка она приезжала в Нью-Йорк поработать в Публичной библиотеке, и когда я возвращался из очередной поездки по делам ООН, она иногда заходила ко мне обедать. И тут мне по-настоящему наконец с ней поближе познакомиться. Ей было тогда уже под 80 лет; она как-то физически съезжилась, но духом была еще удивительно молодой и бодрой, всем интересовалась, память ее оставалась прекрасной и временами даже, когда затрагивались особенно близкие ее сердцу темы, появлялась былая страстность, будь то от восторга или возмущения. Приходила тетя непременно с крошечным чемоданчиком, которым, говорила она, как у чеховского маленького человека, ограничивалось все ее земное имущество. Не имея собственной квартиры, она переезжала то к одним знакомым или родственникам, то к другим. И, само собой разумеется, ни разу я не слышал от нее ни одного слова сожаления об утраченных богатствах или жалобы на трудности ее нынешней житейской судьбы.

Расспрашивал я ее, конечно, и о Народном доме (о котором, кстати, она никогда не говорила как о «своем», всегда подчеркивая роль всех к нему причастных). Она особенно выделяла два момента: сочетание, впервые в истории русской педагогики, двух элементов — просветительства и развлекательности, причем обоих на возможно более высоком уровне, как научном, так и нравственном. В своей ближайшей сотруднице А.В.Помехоной она особенно отметила то, что «выросшая и сложившаяся, — как она писала, — под влиянием благородных традиций эпохи великих реформ, она через всю жизнь пронесла их высокие

Ж.-Л. Вуаль.
Граф
В.В.Панин.
Миниатюра
из собрания
Г.И.Василь-
чиков

идеалы, согретые никогда не изменявшей ей, от отцов и дедов унаследованной, православной верой».

Тетя особенно настаивала на необходимости нести народу не только просвещение (о чем в среде русской интеллигенции никогда не сомневались), но и помочь утолять другую его жажду — жажду радости — чему, например, модные тогда художники-передвижники никак не способствовали. Одинаково страстно она восставала против попытки многих тогдашних общественных деятелей использовать лишения политически еще не искушенного народа для внедрения их политических идеологий и для прямой вербовки в ряды их партий. «На этом, — сказала она мне, — я и порвала с Керенским. Ведь я его взяла на работу в Народный дом. Его рекомендовали мне как многообещающего начинающего адвоката. Зная, что он активный член партии социалистов-революционеров, я взяла с него слово, что он политикой у нас заниматься не будет и вербовать среди наших посетителей не станет...» — «И что же?» — «Слово свое он, к сожалению, не сдержал и мне пришлось с ним расстаться...» Сказано это было сухо, но с явным негодованием.

Как-то я ее спросил немного ехидно: «А как смотрели родственники на то, что ты так щедро расстаешься с семейным наследством?» Она рассмеялась. «Знаешь, меня всегда считали немного эксцентричной, но открыто, конечно, никто не осуждал, тем более, что и твой дед, и бабушка Вяземские всецело меня поддерживали. С дедом я только спорила — следует ли, как я считала, все давать даром, или, как твой дед считал, даже обездоленные должны понять, что ничего в жизни «даром» не дается, а не то развивается в людях паразитизм».

Весной 1956 года с Тетей Софьей Паниной приключился удар, она долго и мучительно болела, меня к ней уже не подпустили, и она скончалась 13 июня того же года.

В появившемся в нью-йоркском «Новом Журнале» некрологе правильно отмечалось, что «Софью Владимировну Панину едва ли можно назвать политическим деятелем. У нее были свои политические убеждения, она принадлежала к кадетской партии и принимала некоторое участие в ее работе. Но не это является отличительной чертой, определяющей ее облик, и не в этом был ее жизненный пафос. Если исходить из распространенного в дореволюционной России разделения между государственно-политической и культурно-общественной деятельностью, то можно сказать без колебаний, что именно к последней лежало сердце Софьи Владимировны».

Обычное, банальное понятие «благотворительности» к тому, что делала С.В., никак не применимо. В одном месте своих воспоминаний она отвергает даже идею о жертвенности тех, кто такую работу делает: нельзя говорить о жертве там, где дающий находит такое глубокое удовлетворение и от самого процесса творческого созидания, и от повседневного общения с получающим. Непосредственные человеческие взаимоотношения были для С.В. неотъемлемым и чрезвычайно ценным элементом всякой общественной работы. Из отвлеченного понятия эта работа становилась конкретным, живым и личным делом, в котором любовь к ближнему заменяла любовь к далекому. То же относится и к содержанию общественной работы такого типа. И оно определялось не стремлением к каким-либо общим, отдаленным целям, а потребностью удовлетворить непосредственные, жизненные человеческие нужды — удовлетворить их в данное время и в данном месте, в тех размерах, в каких это оказывалось фак-

тически возможным. В воспоминаниях своих С.В. где-то говорит о «маленьких-великих» людях. Можно сказать по аналогии, что в ее работе для нее не было «малых дел» — были только «малые-великие» дела.

И еще одно нужно отметить. В представлении С.В. удовлетворение человеческих нужд не сводилось к заботе об улучшении материального положения тех, для кого она работала. Многие было сделано Народным домом и в этом направлении. Но основным в глазах С.В., как и ее сотрудниц и сотрудников, было удовлетворение духовных потребностей посетителей Народного дома. Как в те предреволюционные годы, так и позднее, до конца ее жизни, главной заботой и главным делом С.В.Паниной была борьба за дух человеческий. Это и сделало ее одной из замечательных русских женщин нашего времени».

После первого моего посещения уже разоренного Марфина в середине 1980-х годов я туда часто возвращаюсь. Одно время вокруг дома что-то вяло перебирали солдатики-узбеки из стройбата. Будто бы мест-

ные военные власти задумали устроить роскошную гостиницу для иностранных туристов. Один из солдат участливо впустил меня с детьми в дом. Мы его нашли еще более разрушенным. Зато, по настоянию женщин из местных деревень — к тому времени началось примирение горбачевского государства с религией, — обе церкви были возвращены верующим и в одной, святых Петра и Павла, только что заново освященной, усердно подметали, чистили и развешивали скромные бумажные иконки женщины, их спасшие. Я с ними разговорился. Они только что нашли под грудой мусора гробницы отца Тети Софьи и ее умершей в детстве сестрички. Никто саму тетю, конечно, не помнил, но бабушка одной из женщин, была, сказа-

ли мне, ее крестницей. Я тут же пожертвовал церкви заработанные за недавно напечатанную статью гроши. Хватило на одну оконную раму!

В последний раз я был в Марфине нынешней весной — для съемки интервью, которое затем передавалось по московскому телевидению. Случайно перед домом повстречал двух дам, проживавших в соседнем санатории. Приходили они сюда ежедневно — печалиться по поводу варварского запущения одной из жемчужин Подмоскovie да и вооружиться решимостью, с помощью общественного мнения, положить этому безобразию конец. Вокруг дома никто больше не убирал. Зато одна из церквей была уже почти полностью отреставрирована усилиями энергичного молодого священника и командой нанятых им искусных лепщиков, столяров и маляров и уже сияла своим бело-золотым убранством в стиле рококо, как в былые времена. Причем, как мне священник рассказал, помощи он ни у кого не просил. Просто, объезжая местные предприятия и стыдя их руководителей окружающей некультурностью, он добивался их участия в восстановлении разоренных храмов округи. И реакция была часто положительна.

Тетю Софью это обрадовало бы. Ведь она всю свою жизнь посвятила, наряду с материальной помощью, именно нравственно-духовному воспитанию самых обездоленных слоев населения, веря, как она говорила, что «у идей и чувств есть своя логика, своя непреложная закономерность, которая сильнее и неведомее, и лжи, и заблуждений, и насилий, и которая никогда не может допустить, чтобы смерть стала сильнее жизни там, где эта жизнь зародилась».

И потому и логично и правильно, что восстановление Марфина началось с его души — с церквей.

Август — сентябрь 1993 года
Роль. Швейцария

Марфино.
Вид на
усадебную
Петропавлов-
скую церковь
со стороны
пруда.
Фото
А. Викторова

Неизвестный
художник.
С.П.Туголми-
на (урожден-
ная графиня
Панина).
Акварель.
XIX век.
Собрание
Г.И.Василь-
чикова